

СПАСИБО ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ...

Я БЫ ТОЛЬКО
УТОЧНИЛ: ЗА
НАШЕ СЧАСТЛИВОЕ
КИНОДЕЛСТВО И
ДЕТСТВО

Есть все-таки доля смысла в словах, не раз хором произнесенных в пионерском возрасте: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Я бы только уточнил: за наше счастливое кинематографическое детство.

Странное было время: с одной стороны, травят безродных космополитов, с другой стороны, в каждом кинотеатре, каждый день, за рубль (то-то!) — такой иноземный подарок.

Тем не менее именно это послевоенное время подарило нам счастье поглядеть десятки иноземных картин. Чьих именно — мы не знали, национальность фильма скрывалась под вступительной надписью: «Этот фильм взят в качестве трофея после разгрома немецко-фашистских захватчиков в 1945 году». (Выучилось наизусть.) Других титров не было. Было только название, чаще всего тоже закодированное. Были субтитры, видимо, для простоты изготовления — на черном фоне, закрывающем порой полкадра.

Сидя в темном зале «Зувки» — клуба имени Зуева, моего самого близлежащего кинотеатра, вчитываясь в эти рябящие субтитры, я тогда и не подозревал, что глядя не просто трофейный фильм, а шедевр американского кино, картину Ф. Капры, которая называется на самом деле «Мистер Дидс переезжает в большой город». И что идеологически уточненное название «Судьба солдата в Америке» тоже не соответствует настоящему — «Бурные двадцатье годы». Что «Путешествие будет опасным» — это псевдоним «Дилижанса» Д. Форда.

Но я догадывался, что смотрю хорошие фильмы.

Конечно, нам показывали не одни шедевры. Но разве не благодарны мы прокатчикам за четырехсерийный крик «Тарзана», от которого до сих пор ностальгически холодеет сердце? За «Патера» и за «Маленькую маму» с очаровательной Франческой Гааль. За «Тяжелые годы», скрывававшие за этим названием трагического «Давида Копперфильда», которого так сроду бы никто не прочитал. За «Железную маску», за «Багдадского вора», за «Джунгли», благодаря которым мы узнали, что приключения в кино могут быть веселыми и совершенно не обязательно связаны с выявлением шпионов, диверсантов и прочих врагов народа.

В 1951 году, по примеру более интеллектуальных приятелей, я тоже взялся вести дневник, и он чудом сохранился.

И вот что интересно. Наряду с ужасом перед завтрашней конт-

рольной по геометрии, наряду с телефонами тайных Н. и В. в дневнике аккуратно фиксируются все посещения «Зувки». И даже по свежему впечатлению дается краткая характеристика увиденному. Так, например: «Смотрел «Именем закона» (оказалось — «Отверженные»). Хорошая картина».

Или: «2-я серия «Тарзана» хороша, но еще более интересно, сколько стоял за билетами. Ужас!» Или: «Смотрел «Тайственный беглец». Ничего, но слишком похоже на «Мятежный корабль».

Есть, впрочем, и такая примечательная запись:

«Смотрел «Тараса Шевченко». Вообще все советское кино больше смахивает на какую-нибудь передачу вроде «Песню мира пой, молодежь».

В те годы я и мысли не имел посвятить себя кино. Я любил его потреблять, как и все мои ровесники, но более. Но оно было составляющей нашего детского быта. Оно — на восемьдесят процентов «трофейное» — существовало в жизни так же непреложно и естественно, как уроки, футбол, вечер танцев в женской школе. И, как выясняется, сформировало вкус.

Не говорю уже о нетрофейных лэнд-лизовских «Серенаде солнечной долины», «Джордже из Дикин-джала», о более поздних фильмах итальянского неореализма, о потрясающем «Риме, 11 часов».

Если бы не этот чудесный прорыв, не эта информационная роскошь с таким разбросом тем и жанров, не этот идеологический парадокс, суть которого лучше всего пояснят экономисты, что бы осталось на нашу долю? Это был период застоя и малокартинья. Тиражировались редкие, до скуки выверенные, запланированные киношедевры, вроде того же «Тараса Шевченко» (Глинки, Мусоргского, Павлова, Пирогова и т. д.), Парадные фильмы-концерты, тоскливые фильмы-спектакли. Не будь трофейного кино, эта продукция навсегда отбила бы — у меня, во всяком случае, — вкус к кинематографу. Как чуть было не отбила школа к литературе.

И если уж не товарищу Сталину, то спасибо за это кинопрокату и судьбе.

Владимир ВАЛУЦКИЙ

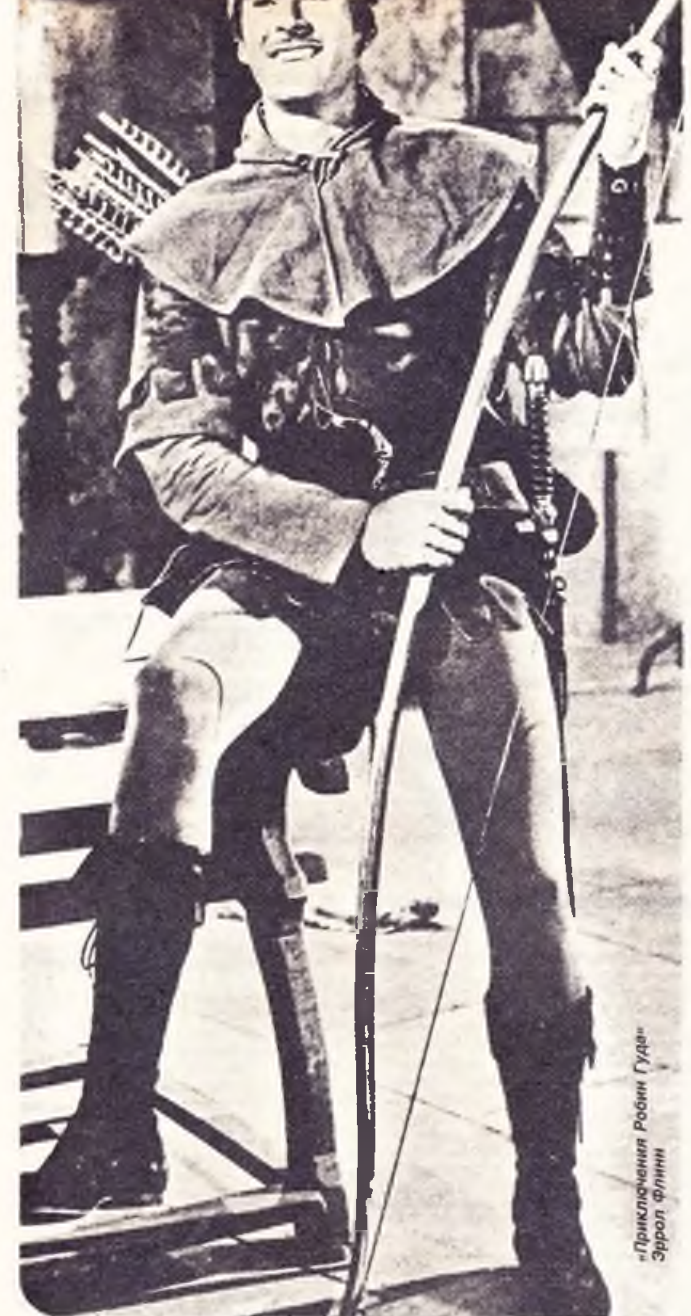
ЧУЖИЕ ТРОФЕИ

Шли последние дни войны. Салюты. Трепет матерей и жен: только бы уцелел, только бы остался жив! Победа! Засветились окна, соседи бежали друг к другу, звонили телефоны среди ночи. Мир. Жизнь. Май. Как всегда в праздники и перед праздниками, мы дежурили у «вертушки». Я сидел в пустом предбаннике большековского кабинета в здании на Гнездиновском, читал какой-то сценарий.

В кабинете что-то зашуршало, видимо, открылась задняя дверь. Не прошло и десяти минут, как ко мне вышел улыбающийся Большаков. Видимо, ему тоже не сиделось в одиночестве.

Два слова о том, о сем, и вдруг совершенно неожиданно министр кинематографии спросил, не хочу ли я срочно полететь в Берлин. Естественно, я согласился. Уходя, он бросил: «Завтра мне напомните».

Через два дня я был оформлен. Большаков объяснил, что моя за-

«Приключенца Робин Гуд» Эррол Флинни

дача — разыскать и срочно отправить в Москву партию цветных немецких фильмов.

11 мая я уже получил командировочное удостоверение, аттестат, збмундирование и чин майора. Летняя гимнастерка и галифе были хошоо пригнаны, шинель также была в пору и отлично сидела, но кирзовые сапоги были мне велики, а пилотка мала. Хорошую суконную пилотку мне дала соседка, жена подполковника. А сапоги я решил взять из «Мосфильма». Директор группы «Клятва» Циргиладзе направил меня в костюмерную. Много перемерил я пар... Только сапоги Орджоникидзе, роль которого исполнил С. Закариадзе, были мне как влитые.

Поздно ночью мы собрались на Центральный аэродроме на Ленинградском шоссе и на рассвете вылетели в Берлин.

Когда летели над Германией, я с чувством злорадного удовлетво-

рения наблюдал панораму разрушений. Уцелели лишь остовы немецких городов. Страна пожала то, что посеяла. Деревни, фольварки имели более жилой вид. Но вот проступили очертания Берлина. Разрушение разрушений врзалось в память навсегда. В районе Темпельсхофа самолет пошел на снижение. Нас ждал «студебекер». Поехали в Карлхорст, почти через весь Берлин. Этот уголок Берлина, состоящий главным образом из отдельных вилл, почти не был разрушен. Домики, выделенные нам, приехали к военно-инженерному училищу, где несколько дней назад была подписана полная капитуляция немецкой армии.

Рано утром на отличном «мерседесе» мы выехали в Бабельсберг во владения «УФА», крупнейшей кинофабрики Европы. Эта марка красовалась в титрах «Индийской гробницы», «Нибелунгов», «Кабинета доктора Калигари».

Мы будто вернулись в мирное время — так разительен на первый взгляд был контраст. У ворот киностудии стоял наш часовой.

Обойдя павильон, мы двинулись в цеха и склады. Полки были забиты и ломились от запасов тканей, бумаги, бечевы, шнуров. В костюмерных висели тысячи костюмов. Мебельные склады были полны. Все было разложено с немецкой аккуратностью, в каждом цехе были подробнейшие картотеки на вещи. Не было только людей. «УФА» превратилась в погруженное в безмолвие царство вещей. Замки мы сбивали. Операторские кабины были пусты, в лаборатории не было копировальных аппаратов. Оборудование исчезло. Не было и фильмов. Никаких следов фильмотеки.

Но в это время во двор въехал на велосипеде с большим норвежским флагом хорошо одетый человек лет пятидесяти. Это был помощник главного инженера или технического директора. От него мы и получили первые сведения: оборудование упаковано и вывезено дней за пять до вступления наших войск, фильмы находятся в специальном фильмохранилище километрах в шести от Бабельсберга.

Так закончился первый день на «УФА».

Перетация из склада походную офицерскую кроватку, я поставил ее в просторном кабинете «шеф-драматурга», лег, накрылся шинелью и стал с трудом разбирать prospect студии на 1945 год.

Мир гитлеровской кинематографии отличался кастовой ограниченностью. Немцы не видели почти никаких иностранных картин, из советских картин единственную — «Дети капитана Гранта». Между тем в фильмархиве рейха были почти все советские ленты, захваченные на оккупированной территории. В картотеке в абонементх Геринга, Геббельса значились «Радуга», «Непокоренные», «Она защищает Родину», снятые во время войны. Абонементные карточки велись очень строго, отмечались даже часы, когда отправлялись картины к фюреру и когда возвращались. Судя по этим карточкам, руководители рейха смотрели советские фильмы и хронику.

Теперь собственно о том, зачем я был командирован в Берлин. Рейхсфильмархив находился в особом помещении в пяти или шести километрах от Бабельсберга в лесу. Это был комплекс зданий, состоящий из нескольких помещений-бункеров, где кондиционеры поддерживали нужную температуру.

Когда я на своем «опеле» с водителем Сашей в сопровождении «виллиса» подкатил к Рейхсфильмархиву, там стояло несколько машин. Какой-то офицер требовал ключи и фильмы, кроме того, он решил распознать сам со своими солдатами и занять Рейхсфильмархив. И хотя я был старше по званию, старший лейтенант меня слушать не желал, и сопровождающие меня саперы отступили перед автоматчиками. У меня было удостоверение, подписанное начальником тыла Советской Армии генералом Хрулевым. Это немного снизило угрожающий тон старшего лейтенанта. Но освобождать территорию он не хотел. Телефон не работал. Я послал Сашу к коменданту Потсдама. Я объяснял ему, что не имею права выдать ни одной картины, пока не разберусь, что там есть. Может быть, бункеры вообще пусты! Он утвердил свое: кто-то уже получил картины, их смотрели в какой-то части, картины замечательные, английские, французские. Время шло, а мы все препирались, пока не выяснилось, что я хорошо знаком с Любовью Орловой, Зоей

Федоровой, Тамарой Макаровой, Борисом Чирковым и Николаем Черкасовым. Разговор перешел в сферу бытовую, кто чей муж и где кто сейчас снимается. Беседа наша приобрела характер лекции о чудесах кино, лейтенант и бойцы с удовольствием слушали. Вскоре мы услышали шум. Выбежали на крыльцо. У ворот стояло несколько машин. Вест о том, что здесь находится заграничные фильмы, разносился по частям, и все слали своих гонцов — это были за клубами, ординарцы, адъютанты, на легковушках и грузовиках. Кто-то приехал на бронетранспортере.

Все кричали, требовали картин, предлагали взломать двери бункеров гранатами. Не знаю, чем бы все это кончилось, так как охотников за фильмами набралось уже человек пятьдесят, и их воинственный пыл не утихал, но финал наступил неожиданно. Был привезен приказ коменданта Берлина генерала Берзарина: архив поступает в ведение Уполномоченного комитета по делам кинематографии при СНК СССР, а коменданту Потсдама предлагалось осуществить охрану объекта. Все сразу стали разезжаться, хорошо зная, что Берзарин шутить не будет.

С утра к нам присылали из комендатуры Потсдама человек пятьдесят немцев, главным образом женщин, они паковали фильмы в большие ящики и писали по-русски адрес.

Через месяц отбор и упаковку фильмов закончили.

Вот отрывок из моей докладной записки:

«В Берлинском Рейхсфильмархиве в основном были собраны иностранные фильмы (американские, французские, английские и др.), в Рейхсфильмархиве были также представлены фонды киноархивов из Франции, Норвегии, Чехословакии, Польши, Югославии. Эти фонды не были еще полностью отобраны и систематизированы.

Не считая фильмов, поступивших на Рейхсфильмархив в последнее время и еще неразобранных, в нем находилось 17 352 картины, из них:

1. Полнометражных (художественных) — 6400 штук.
2. Короткометражных (до трех частей) — 3500 штук.
3. Рекламных роликов — 4800 штук.
4. Хроники (отдельные номера) — 2600 штук.

Что взято из Рейхсфильмархива: Полнометражных фильмов около 3700 экземпляров. Около 250 копий советских фильмов переданы для проката в Берлине и его окрестностях (часть взята до нашего приезда непосредственно военными частями). Больше 2000 фильмов, хранившихся в филиале Рейхсфильмархива в г. Глиндов, уничтожены при пожаре до нашего приезда. Из 3500 короткометражек взято около 2500, в том числе несколько сот цветных американских мультипликаций.

Рекламные ролики оставлены в Рейхсфильмархиве.

Работа по отгрузке Рейхсфильмархива началась 9 июня и закончена 4 июля 1945 года.

Через несколько дней я улетаю. Со мной в Москву летела прославленная «Девушка моей мечты» с Марикой Рёкк в главной роли.

Я вернулся в свою редакторскую келью на четвертом этаже и теперь встречался с фильмами из Рейхсфильмархива лишь в кино, где они многие годы помогали Главкинопрокату первыполнять план и получать премии.

Иосиф МАНЕВИЧ
Публикация
Е. И. Вельяминовой

Тарзан Джонни Вайсмоллер